3 1761 05079657 2

Поэзія учит

Поэзія

1779-1841

Русскіе поэты
съ
1779 по 1841 г.

Художественный
сборникъ
стихотвореній

Томъ
I-й

Т-во ХУДОЖЕСТВ. ПЕЧАТИ

LIBRARY
MAR 17 1999
UNIVERSITY OF TORONTO

Дозволено цензурою. СПБ., 4 Сентября 1904 г.

Текстъ книги печатался въ типографіи Лурье и Ко.
С.-Петербургъ, Гороховая ул., д. 48.

Род.
1779 г.

Сконч.
1840 г.

Иванъ Ивановичъ

Козловъ.

Начало литерат. дѣятельн. 1821 г.

Къ радости.

О, радость, радость, что же ты
Намъ скоро измѣняешь
И сердца милыя мечты
Такъ рано отнимаешь!

Зачѣмъ, небесная, летишь
Пернатою стрѣлою,
И въ мракѣ бѣдствія горишь
Далекою звѣздою?
Зачѣмъ же прелестью своей
Ты льешь очарованье,
И оставляешь... свѣтлыхъ дней
Одно воспоминанье?
Минувшее съ твоей мечтой
Какъ въ душу не тѣснится—
Его бывалой красотой
Душа не оживится.
Духъ пылкій ею увлеченъ,
Дни счастья вспоминая;
Тревожитъ сердца тяжкій сонъ,
Тоски не услаждая.
Такъ свѣтитъ мѣсяцъ надъ рѣкой,
Въ струяхъ ея играетъ
И блескъ сребристо-золотой
Надъ ними разсыпаетъ;
Рѣка въ сіяньи пламя льетъ,
Горитъ его лучами—
И въ море темное течетъ
Холодными волнами.

Род.
1783 г.

Сконч.
1852 г.

Василій Андреевичъ Жуковскій.

Начало литерат. дѣятельн. 1797 г.

МОТЫЛЕКЪ.

Вчера я долго веселился,
Смотря, какъ мотылекъ
Мелькалъ на солнышкѣ, носился
Съ цвѣточка на цвѣтокъ.
И милый цвѣтъ его мѣнялся
Всечасно предо мной,

То алой тѣнью отливался,
То нѣжной голубой.
Я вслѣдъ за нимъ... но онъ быстрѣе
Виляетъ и кружитъ,
И вижу, вдругъ прильнувъ къ лилеѣ,
Недвижимый блеститъ.
Бѣгу... и мой летунъ вертлявый
Дрожитъ въ моихъ рукахъ;
Но гдѣ же блескъ его румяный,
Гдѣ краска на крылахъ?
Увы! коснувшись къ нимъ перстами,
Я стеръ ихъ нѣжный цвѣтъ;
И мотылекъ... онъ все съ крылами,
Но красоты ужъ нѣтъ.
„Такъ наслажденье измѣняетъ!“
Вздохнувши, я сказалъ,
„Пока не тронуто—блистаетъ,
Дотронься—блескъ пропалъ!“

Жуковскій.

Род.
1784 г.

Сконч.
1833 г.

Николай Ивановичъ Гнѣдичъ.

Дружба.

(къ Батюшкову).

Дни юности, быстро, вы быстро промчались!
Исчезло блаженство, какъ призракъ во снѣ!
А прежнія скорби на сердцѣ остались;
Къ чему же и сердце оставлено мнѣ?

Для радостей свѣтлыхъ оно затворилось;
Ему измѣнила младая любовь!
Но если бы сердце и съ дружбой простилось,
Была бы и жизнь мнѣ даръ горькій боговъ!
Остался-бъ я въ мірѣ одинъ, какъ въ пустынѣ;
Одинъ бы всѣ скорби влачилъ я стеня.
Но вѣрная дружба даритъ мнѣ отнынѣ,
Что отняла, скрывшись, любовь у меня.
Священною дружбой я все замѣняю:
Она мнѣ опора подъ игомъ годовъ,
И спутница будетъ къ прощальному краю,
Куда насъ такъ рѣдко доводитъ любовь.
Какъ гордая сосна, листовъ не мѣняя,
Зеленая въ осень и въ зиму стоитъ;
Равно неизмѣнная дружба святая
До гроба живительный пламень хранитъ!
Укрась же, о дружба, мое пѣснопѣнье,
Простое, внушенное сердцемъ однимъ:
Мой голосъ, какъ жизни я кончу теченье,
Хоть въ памяти друга да будетъ хранимъ!

Род.
1784 г.

Сконч.
1839 г.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Вечеръ въ іюнѣ.

Томительный, палящій день
Сгорѣлъ; полупрозрачна тѣнь
Нѣмаго сумрака пріосѣняла дали,
Зарницы бѣгали за синею горой,
И окропленные росой,
Луга и лѣсъ благоухали.
Луна во всей красѣ плыла на высоту,

Таинственнымъ лучемъ мечтанія
питая,
И преклонясь къ лавровому кусту,
Дышала роза молодая.

II.

Море воетъ, море стонетъ,
И во мракѣ одинокъ,
Поглощенъ волною, тонетъ
Мой заносчивый челнокъ.
Но счастливецъ, предъ собою
Вижу звѣздочку мою —
И спокоенъ я душою,
И безпечно я пою,
Молодая, золотая
Предвѣщательница дня!
При тебѣ бѣда земная
Недоступна для меня.
Но сокрой за бурной мглою
Ты сіяніе свое —
И сокроется съ тобою
Провидѣніе мое.

Род.
1787 г.

Сконч.
1855 г.

Николай Константиновичъ Батюшковъ.

Начало литерат. дѣятельн. 1802 г,

Разлука.

Напрасно покидалъ страну моихъ отцовъ,
Друзей души, блестящія искусства,
И въ шумѣ грозныхъ битвъ, подъ тѣнію шатровъ,
Старался усыпить встревоженныя чувства.

Ахъ! небо чуждое не лечитъ сердца ранъ!
Напрасно я скитался
Изъ края въ край, и грозный океанъ
Кругомъ меня ропталъ и волновался;
Напрасно отъ бреговъ плѣнительныхъ Невы
Отторженный судьбою,
Я снова посѣщалъ развалины Москвы,
Москвы, гдѣ я дышалъ свободою прямою.
Напрасно я спѣшилъ отъ сѣверныхъ степей,
Холоднымъ солнцемъ освѣщенныхъ,
Въ страну, гдѣ Тирасъ бьетъ излучистой струей,
Сверкая между горъ, Церерой позлащенныхъ,
И древнія поитъ народовъ племена.
Напрасно: всюду мысль преслѣдуетъ одна
О милой, сердцу незабвенной.
Которой имя мнѣ священно,
Которой взоръ одинъ лазоревыхъ очей
Всѣ—неба на землѣ блаженства отверзаетъ,
И слово, звукъ одинъ, прелестный звукъ рѣчей,
Меня мертвитъ и оживляетъ.

Род.
1792 г.

Сконч.
1878 г.

Петръ Андреевичъ
Кн. Вяземскій.

Начало литерат. дѣятельн. 1808 г.

ЗИМА.

Въ дни лѣта природа роскошно
Какъ дѣва младая цвѣтетъ
И радостно, денно и нощно,
Ликуетъ, пируетъ, поетъ.
Красуясь въ нарядѣ богатомъ,
Природа царицей глядитъ,

Сафирами, пурпуромъ, златомъ
Облитая, чудно горитъ.
И пышные кудри и косы
Скользятъ съ подъ златого вѣнца,
И утромъ и вечеромъ розы
Лелѣютъ румянецъ лица.
Но поздняя осень настанетъ,
Природа состарится вдругъ;
Съ днемъ каждымъ все вянетъ, все вянетъ
И ноетъ въ ней тайный недугъ.
Морщина морщину пригонитъ,
Въ глазахъ потухающихъ тьма,
Ко сну горемычную клонитъ —
И вотъ къ ней приходитъ зима.
Изъ снѣжно-лебяжьяго пуху
Спѣшитъ пуховикъ ей постлать,
И тихо уложитъ старуху,
И скажетъ ей: спи, наша мать!
И спитъ она дни и недѣли,
И полгода спитъ на пролетъ,
И сосны надъ нею, и ели
Раскинули темный наметъ.
И вьюга ночная тоскуетъ
И воетъ надъ снѣжнымъ одромъ,
И мѣсяцъ морозный цѣлуетъ
Старушку, убитую сномъ.

Род.
1795 г.

Сконч.
1826 г

Кондратій Өедоровичъ Рылѣевъ.

Начало литерат. дѣятельн. 1820 г.

Стансы.

(Ему же).

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:

Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей!
Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ,
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.
Страшно дней не вѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ;
Но ужаснѣй—истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.
Съ тяжкой грустью, съ черною думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу.
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.
Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей;
А встрѣчаешь трупы хладные
Иль безсмысленныхъ дѣтей...

Род.
1798 г.

Сконч
1831 г.

Антонъ Антоновичъ Баронъ Дельвигъ.

Начало литерат. дѣятельн. 1814 г.

Вдохновеніе.

Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
И краткій мигъ въ душѣ оно горитъ;
Но этотъ мигъ любимецъ музъ цѣнитъ,

Какъ мученикъ—съ землею разлу-
ченье.
Въ друзьяхъ--обманъ, въ любви—
разувѣренье
И ядъ во всемъ, чѣмъ сердце до-
рожитъ,
Забыты имъ: восторженный піитъ
Ужъ прочиталъ свое предназна-
ченье.
И презрѣнный, гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣ-
ками,
Онъ ставитъ честь превыше всѣхъ
честей,
Онъ клеветѣ мститъ славою своей
И дѣлится безсмертіемъ съ бо-
гами!

Род.
1799 г.

Сконч.
1837 г.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

Начало литерат. дѣятельн. 1814 г.

Эхо.

Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ ли рогъ, гремитъ ли громъ,
Поетъ ли дѣва за холмомъ—
На всякій звукъ

Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.
Ты внемлешь грохоту громовъ,
И гласу бури и валовъ,
И крику сельскихъ пастуховъ—
И шлешь отвѣтъ;
Тебѣ жъ нѣтъ отзыва.. Таковъ
И ты поэтъ!

Три ключа.

Въ степи мірской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа;
Ключъ юности—ключъ быстрый и мятежный,
Кипитъ, бѣжитъ сверкая и журча;
Кастальскій ключъ волною вдохновенья,
Въ степи мірской изгнанника поитъ;
Послѣдній ключъ—холодный ключъ забвенья,
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердца утолитъ.

Род.
1800 г.

Сконч.
1844 г.

Евгеній Абрамовичъ
Баратынскій.

Начало литерат. дѣятельн. 1827 г.

Нѣтъ, обманула васъ молва,
По прежнему дышу я вами
И надо мной свои права
Вы не утратили съ годами.
Другимъ курилъ я фиміамъ,
Но васъ носилъ въ святынѣ сердца;
Молился новымъ образамъ;
Но съ безпокойствомъ старовѣрца.

МУЗА.

Не ослѣпленъ я музою моею;
Красавицей ея не назовутъ,
И юноши, узрѣвъ ее, за нею
Влюбленною толпой не побѣгутъ.
Приманивать изысканнымъ убо-
ромъ,
Игрою глазъ, блестящимъ разгово-
ромъ —
Ни склонности у ней, ни дара нѣтъ;
Но пораженъ бываетъ мелькомъ
свѣтъ
Ея лица не общимъ выраженьемъ,
Ея рѣчей спокойной простотой;
И онъ, скорѣй чѣмъ ѣдкимъ осуж-
деньемъ,
Ее почтитъ небрежной похвалой.

Род.
1800 г.

Сконч.
1860 г.

Василій Ивановичъ Туманскій.

Начало литерат. дѣятельн. 1817 г.

Птичка.

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей:
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.
Она исчезла, утопая
Въ сіяньи голубаго дня

И такъ запѣла, улетая,
Какъ бы молилась за меня.

Мысль о югѣ.

Я взлелѣянъ югомъ, югомъ,
Яснымъ небомъ избалованъ;
Къ югу, югу вѣрной думой,
Словно цѣпью, я прикованъ.
Посмотри; тамъ волны моря
Бьются, плещутъ, голубыя,
Всѣ осыпанныя блескомъ,
Какъ надежды молодыя!
Посмотри: тамъ пирамида—
Тополь въ виноградныхъ лозахъ;
Вкругъ фонтана вьются розы,
И балконъ алѣетъ въ розахъ!
Посмотри: тамъ черны очи,
Черны очи съ долгимъ взоромъ,
Съ огнедышущей любовью,
Съ огнедышущимъ укоромъ!
Тамъ гармонія, сіянье,
Благовонье, наслажденье:
Сѣверъ гордый! сѣверъ гордый!
Что̀-жъ ты дашь мнѣ въ утѣшенье?

Род.
1802 г.

Сконч.
1839 г.

Александръ Ивановичъ
Кн. Одоевскій.

Мнѣ въ ранней юности два образа предстали,
И вѣчно ясные, надъ сумрачнымъ путемъ
Слились въ созвѣздіе, свѣтились сквозь печали
И согрѣвали духъ живительнымъ лучомъ.
Я возносился къ нимъ съ молитвой благодарной,

Слѣдилъ ихъ мирный свѣтъ и жаждалъ ихъ огня;
И каждая черта красы ихъ свѣтозарной
Запала въ душу мнѣ и врѣзалась въ меня.
Я міра не узналъ въ отливѣ ихъ сіянья:
Казалось, предо мной открылся міръ чудесъ;
Онъ ихъ лучами цвѣлъ, и блескъ всего созданья
Былъ отсвѣтъ образовъ, свѣтившихъ мнѣ съ небесъ.
И жаждалъ я на все пролить ихъ вдохновенье,
Блестящій ими путь сквозь бури провести...
Я въ море бросился — и бурное волненье
Пловца умчало въ даль по шумному пути.
Свѣтились двѣ звѣзды: я видѣлъ ихъ сквозь тучи;
Я ими взоръ поилъ; но всталъ девятый валъ,
На влажную главу подъялъ меня могучій;

Меня, недвижнаго, понесъ онъ и примчалъ —
И съ пѣной выбросилъ въ могильную пустыню;
Что шагъ — то гробъ, на жизнь — отвѣтной жизни нѣтъ;
Но я еще хранилъ души моей святыню;
Завѣтныхъ образовъ небесный огнь и свѣтъ.
Что искрилось въ душѣ, что изъ души тѣснилось,
Все было ихъ огнемъ. Ихъ лучъ меня живилъ;
Но небо надо мной померкло и спустилось,
И пали двѣ звѣзды на камни двухъ могилъ.
Онѣ разсыпались, онѣ смѣшались съ прахомъ...
Гдѣ образы? Ихъ нѣтъ! Я каждую черту
Ловлю, храню въ душѣ, и съ нѣжностью и страхомъ,
Но не могу ихъ слить въ живую полноту.
Кто силу воскреситъ потухшихъ впечатлѣній

И въ образы сведетъ несвязныя
черты?
Ловлю всѣ призраки летучихъ сно-
видѣній,
Но въ нихъ божественной не бле-
щетъ красоты.
И только въ памяти, какъ на пли-
тахъ могилы,
Два имени горятъ; когда я ихъ
прочту,
Какъ струны задрожатъ всѣ жиз-
ненныя силы,
И вспомню я сквозь сонъ всю міра
красоту.

Род.
1803 г.

Сконч.
1873 г.

Ѳедоръ Ивановичъ
Тютчевъ.

Начало литерат. дѣятельн. 1826 г.

Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихіи одной
Въ сердцѣ-ли тѣсномъ, въ безбрежномъ-ли морѣ,
Здѣсь — въ заключеніи, тамъ — на просторѣ:
Тотъ же все вѣчный прибой и отбой!

Тотъ же все призракъ, тревожно
пустой!

Какъ дымный столбъ свѣтлѣетъ въ
вышинѣ!
Какъ тѣнь внизу скользитъ неуло-
вимо!
Вотъ наша жизнь,—промолвила ты
мнѣ,—
Не свѣтлый дымъ, блестящій при
лунѣ,
А эта тѣнь, бѣгущая отъ дыма!

Слезы.

Слезы людскія, о, слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,—
Льетесь, какъ льются струи дожде-
выя
Въ осень глухую, порою ночной.

Род.
1803 г.

Сконч.
1846 г.

Николай Михайловичъ Языковъ.

Начало литерат. дѣятельн. 1822 г.

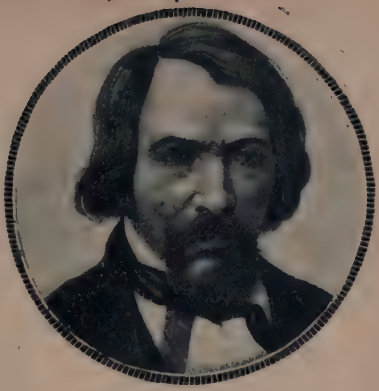
Вечеръ.

Прохладенъ воздухъ былъ; въ стеклѣ спокойныхъ водъ
Звѣздами убранный лазурный неба сводъ
Свѣтился; темныя покровы ночи сонной

Струились по коврамъ долины благовонной:
Надъ берегомъ, въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей,
И трелилъ, и вздыхалъ и щелкалъ соловей.
Тогда между кустовъ, какъ призраки мелькая,
Влюбленный юноша и дѣва молодая
Бродили вдоль рѣки; казалося для нихъ
Сей вечеръ нѣжился, такъ сладостенъ и тихъ,
Для нихъ лучами звѣздъ играла водъ равнина,
Для нихъ туманами окрестная долина
Скрывалась, и въ тѣни раскидистыхъ вѣтвей
И трелилъ, и вздыхалъ, и щелкалъ соловей.

Род.
1804 г.

Сконч.
1860 г.



Алексѣй Степановичъ Хомяковъ.

Начало литерат. дѣятельн. 1826 г.

Двѣ пѣсни.

Прелестна пѣснь полуденной страны!
Она огнемъ живительнымъ согрѣта,
Какъ яркій день безоблачнаго лѣта;
Она сладка, какъ томный свѣтъ луны,
Трепещущій на зеркалѣ лагуны:

Все въ ней къ любви и къ нѣгѣ
насъ манитъ:
Но не звучатъ отзывно сердца струны.
И мысль моя въ груди безмолвной
спитъ.

Другая пѣснь! то пѣснь родного
края,
Протяжная, унылая, простая,
Тоски и слезъ и горестей полна,
Какъ много думъ взбудила вдругъ
она
Про нашу степь, про звонкія мятели,
Про радости и скорби юныхъ дней,
Про тихіе напѣвы колыбели,
Про отчій домъ, и кровныхъ и дру-
зей.

Род.
1805 г.

Сконч.
1827 г.

Дмитрій Владиміровичъ Веневитиновъ.

Начало литерат. дѣят. 1820 г.

Жизнь.

Сначала жизнь плѣняетъ насъ:
Въ ней все тепло, все сердце грѣетъ,
И, какъ заманчивый разсказъ,
Нашъ умъ причудливый лелѣетъ.
Кой что страшитъ издалека,—
Но въ этомъ страхѣ наслажденье.

Онъ веселитъ воображенье,
Какъ о волшебномъ приключеньѣ
Ночная повѣсть старика.
Но—кончится обманъ игривый,
Мы привыкаемъ къ чудесамъ.
Потомъ—на все глядимъ лѣниво,
Потомъ—и жизнь постыла намъ.
Ея загадка и завязка
Уже длинна, стара, скучна,
Какъ пересказанная сказка
Усталому предъ часомъ сна.

Послѣдніе стихи.

Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;
Но въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ ввѣряй.
Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выспреннихъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ.

Род.
1805 г.

Сконч.
1838 г.

Александръ Ивановичъ Полежаевъ.

Начало литературн. дѣятел. 1825 г.

Грѣшница.

И говорятъ Ему: ...она
Была въ грѣхѣ уличена
На самомъ мѣстѣ преступленья;
А по закону мы ее
Должны казнить безъ сожалѣнья:
Скажи намъ мнѣніе свое."

И на лукавое воззванье
Храня глубокое молчанье,
Онъ нѣчто—грустенъ и унылъ—
Перстомъ божественнымъ чертилъ,
И наконецъ сказалъ народу:
„Даю вамъ полную свободу
Исполнить праотцевъ законъ:
Но гдѣ тотъ праведный—гдѣ онъ,
Который первый на блудницу
„Подниметъ тяжкую десницу?“
И вновь писалъ Онъ на землѣ.
Тогда, съ печатью поношенья
На обезславленномъ челѣ,
Сокрылись дѣти ухищренья—
И предъ лицомъ Его одна
Стояла грѣшная жена.
И Онъ, съ улыбкой благотворной,
Сказалъ: „покинь твою боязнь.
Гдѣ твой синедріонъ упорной?
Кто осудилъ тебя на казнь!“
Она въ отвѣтъ: „никто, учитель!“
— „И такъ и я твоей души
Не осужу“, сказалъ Спаситель:
„Иди въ свой домъ и не грѣши!“

Род.
1806 г.

Сконч.
1886 г.

Андрей Ивановичъ
Подолинскій.

Начало литерат. дѣятел. 1827 г.

Я знаю—духъ отъ тѣла отлетитъ,
Но я не вѣдаю, что скрыто въ мірѣ новомъ,
Лучъ вѣчной истины мнѣ душу-ль просвѣтитъ,
Или на вѣки мгла затмитъ ее покровомъ?
И мудрость высшую я сознаю, пока
Блуждаетъ умъ въ невѣдѣньи туманно,

Иначе смерть была-бъ томительно желанной
Или земная жизнь чрезмѣрно дорога.

Природа.

Цвѣтетъ она розой, летитъ мотылькомъ,
Въ дубравахъ, долинахъ поетъ соловьемъ,
Могучей пятою колеблетъ гранитъ,
И брызгами въ пропасть съ утеса летитъ.
Изъ сновъ развиваетъ блестящую цѣпь,
Дыханьемъ волнуетъ песчаную степь,
Сливаетъ свой голосъ съ напѣвомъ духовъ,
И радугой блещетъ въ дыму облаковъ,
Надъ бездной воздушной чертогъ создаетъ,
И мысль человѣка и сердце зоветъ,
Но видима всюду, но всюду слышна
Лишь издали манитъ и кличетъ она:
Кто-жъ близко подходитъ познаньемъ томимъ,
Волшебница бездну разверзнетъ подъ нимъ!

Род.
1807 г.

Сконч.
1873 г.

Владиміръ Григорьевичъ Бенедиктовъ.

Начало литературн. дѣятел. 1835 г.

Слеза и улыбка.

Когда укрытую, невидимую міромъ
Красавицу томитъ завѣтная тоска,—
Слеза въ ея глазахъ—алмазъ въ игрѣ съ сапфиромъ,
Росинка Божія въ лазури василька.

Когда-жъ ей весело и за сердечнымъ пиромъ
Улыбка по устамъ продернута слегка,—
Сдается: тронуты два розовыхъ листка
Весеннимъ воздухомъ, чуть дышащимъ зефиромъ.
Порою вмѣстѣ--дождь—и ясны небеса.
Такъ на живомъ лицѣ ея, моей голубки,
Порой встрѣчаются улыбка и слеза.
Какъ тягостны тогда приличію уступки!
Лобзаньемъ хочется ей осушить глаза;
Лобзаньемъ хочется ей запечатать губки.

Не долго.

Нѣтъ,—смысла жизни не постигъ,
Кто въ ней клянетъ недолготечность.
Одинъ блаженства полный мигъ
Не всю-ль обхватываетъ вѣчность?
Не долго держится роса,
Блестя слезой на розѣ алой,
Но всею бездной небеса
Отражены тутъ въ каплѣ малой.
Иной цвѣтокъ живетъ лишь день,
Но онъ зато—краса природы,
А неизмѣнно черный пень
Стоитъ безчисленные годы.

———

Род.
1808 г.

Сконч.
1842 г.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

Начало литературн. дѣятельн. 1835 г.

Человѣкъ.

Всѣ творенья въ Божьемъ мірѣ
Такъ прекрасны, хороши!
Но прекраснѣй человѣка
Ничего нѣтъ на землѣ!
То себя онъ ненавидитъ;
То собой онъ дорожитъ;

То полюбитъ, то разлюбитъ;
За мигъ жизни вѣкъ дрожитъ...
Дастъ желаньямъ ли свободу,—
Землю кровью напоитъ;
Буйной волѣ дастъ ли волю,—
Подъ нимъ море закипитъ.
Но измѣнятся стремленья,
Озарится свѣтомъ умъ,—
И своей онъ красотою
Все на свѣтѣ помрачитъ...

Разлука.

На зарѣ туманной юности
Всей душой любилъ я милую;
Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь.
Что предъ ней ты, утро майское,
Ты дубрава-мать зеленая,
Степь-трава—парча шелковая,
Заря-вечеръ, ночь волшебница!
Хороши вы—когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть-тоску!
А при ней васъ—хоть бы не было;
Съ ней зима—весна, ночь—ясный день!

. . . . . .

Николай Парфирьевичъ

Грековъ.

Род. 1810 г. Сконч. 1866 г.

Начало литературн. дѣятельн. 1827 г.

Стансы.

Смотри: вонъ облако несется серебристое;
Вездѣ вокругъ него сіяетъ небо чистое,
Какъ молодость прекрасная твоя.
И утра блескъ на немъ такъ ярко отражается;
И такъ оно, свѣтло, какъ будто улыбается—
Оно похоже на тебя.
Смотри: вонъ туча тамъ выходитъ одинокая;
Она темна, какъ ночь, какъ грусть души глубокая—

Не просвѣтитъ ее сіянье дня...
Быть можетъ оттого она мрачна такъ грозная,
Что съ свѣтлымъ облакомъ дана стязя ей розная,—
Она похожа на меня.

Бываетъ порою:
Такъ хочешь молиться,
Такъ радъ бы душою
Съ душой подѣлиться.
И сердце бъ изъ груди
Здѣсь вырвалъ охотно,
И молвилъ бы: „люди,
Терзайте свободно!“
А темныя грезы
Бушуютъ и вьются,
А жгучія слезы
Такъ моремъ и льются—
И въ эти мгновенья
Ужасна невзгода:
Ей нѣтъ выраженья,
Ей нѣтъ перевода.

Василій Ивановичъ
Красовъ.
Род. 1810 г.—Сконч. 1855 г.

Пѣсня.

Взгляни, мой другъ: по небу голубому,
Какъ легкій дымъ, несутся облака:
Такъ грусть пройдетъ по сердцу молодому,
Его, какъ сонъ, касаяся слегка.
Мой милый другъ, твои младые годы
Прекрасный цвѣтъ души твоей спасутъ;
Оставь же мнѣ и громъ и непогоды—
Они твое блаженство унесутъ.
Прости, забудь, не требуй объясненій:
Моей судьбы тебѣ не раздѣлить!..
Ты создана для тихихъ наслажденій,
Для сладкихъ слезъ, для счастія—любить!
Взгляни, взгляни—по небу голубому,
Какъ легкій дымъ, несутся облака:

Такъ грусть пройдетъ по сердцу молодому,
Его, какъ сонъ, касаяся слегка!

Звуки.

Они уносятъ духъ — властительные звуки!
Въ нихъ упоеніе мучительныхъ страстей,
Въ нихъ голосъ плачущей разлуки,
Въ нихъ радость юности моей!
Взволнованное сердце замираетъ,
Но я тоски не властенъ утолить:
Душа безумная томится и желаетъ
И пѣть, и плакать, и любить!..

Каролина Карловна

Павлова.

Род. 1810 г.—Сконч. 1894 г.

О быломъ, о погибшемъ, о старомъ
Мысль нѣмая душѣ тяжела;
Много въ жизни я встрѣтила зла,
Много чувствъ я истратила даромъ,
Много жертвъ невпопадъ принесла.
Шла я вновь послѣ каждой ошибки,
Забывая жестокій урокъ,
Безоружно въ житейскія ошибки;
Вѣры въ слезы, слова и улыбки
Вырвать умъ мой изъ сердца не могъ.
И душою, судьбѣ непокорной,
Средь невзгодъ, одолѣвшихъ меня,
Убѣжденье въ успѣхъ сохраня,
Какъ игрокъ ожидала упорной

День за днемъ я счастливаго дня.
Смѣло кладъ я бросала за кладомъ,--
И стою, проигравшися въ пухъ;
И счастливцы, сидящіе рядомъ,
Смотрятъ жаднымъ, язвительнымъ взгля-
домъ—
Измѣняетъ ли твердый мнѣ духъ?

Михаилъ Даниловичъ

Деларю.

Род. 1811 г.—Сконч. 1868 г.

Мой міръ.

Души моей причудливой мечтой
Себѣ я создалъ міръ чудесной,
И въ немъ живу, дыша его красой
И роскошью его небесной.
Я въ мірѣ томъ, далеко отъ людей,
Отъ ихъ суетъ и заблужденій,
Обрѣлъ покой и счастье юныхъ лѣтъ,
Обрѣлъ тебя, творящій геній.
Ты красотой, какъ солнцемъ, озарилъ
Мое созданіе, Зиждитель!
Ты ликами безплотныхъ, тайныхъ силъ
Поэта населилъ обитель...
Я вижу ихъ: они передо мной
На крыльяхъ огненныхъ несутся;

Съ ихъ дивныхъ струнъ, съ ихъ свѣтлыхъ устъ рѣкой
Божественные звуки льются.
И звуки тѣ... все, что любовь таитъ
Въ себѣ высокаго, святого;
Чѣмъ смѣлый умъ такъ радостно паритъ
Надъ бреннымъ бытіемъ земного,—
Все скрытно въ нихъ... и тайна райскихъ сновъ,
И сладость пламенной надежды...
При нихъ душа чужда земныхъ оковъ,
Чужда земной своей одежды.
Такъ, свѣтлый міръ, въ гармоніи твоей,
Въ твоей любви я исчезаю,
И, удаленъ отъ суеты людей,
Земную жизнь позабываю.
Такъ сладкими напѣвами плѣненъ,
Въ дорогѣ путникъ одинокій,
Внимая имъ, стоитъ, забывъ и сонъ,
И поздній часъ, и путь далекій.

Род.
1811 г.

Иванъ Петровичъ Клюшниковъ.

Начало литерат. дѣятельности 1838 г.

Жизнь.

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Умъ молчитъ, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана.
Все прекрасно въ Божьемъ мірѣ!
Сотворивый міръ въ немъ скрытъ;
Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лирѣ,
Но Онъ въ разумѣ открытъ.

Познавать Его въ твореньѣ,
Видѣть духомъ, сердцемъ чтить—
Вотъ въ чемъ жизни назначенье,
Вотъ что значитъ въ Богѣ жить!

Меланхоликъ.

Я помню дѣтство: въ радужныхъ лучахъ
Жизнь предо мной роскошно разстилалась,
Взоръ отдыхалъ на розахъ, а въ мечтахъ
Лишь радость новой радостью смѣнялась.
Любви жилищемъ мнѣ казался свѣтъ,
А люди всѣ казалися друзьями;
Я лепеталъ имъ въ радости привѣтъ
И въ даль спѣшилъ съ надеждой и мечтами.
Шли годы, тускнѣлъ міръ—сѣдая даль
Отъ взоровъ скрыла чудныя видѣнья;
Глубоко въ сердце вгрызлася печаль,
Стѣснило грудь мнѣ тяжкое сомнѣнье.
Въ нѣмой тоскѣ печально жизнь влачу,
Живу одинъ, безъ цѣли, безъ участья.
Я счастія безумцевъ не хочу,
Не находя знакомаго мнѣ счастья!
И гдѣ-жъ они? гдѣ люди? гдѣ любовь?
Гдѣ свѣтлыя весны моей картины?
Душа болитъ и въ сердцѣ стынетъ кровь—
И я прошу у жизни лишь кончины.

Род.
1811 г.

Сконч.
1858 г.

Евдокія Петровна
Гр. Растопчина.

Начало литерат. дѣят. 1831 г.

Падучая звѣзда.

Она катилась... я смотрѣла
Съ участьемъ тайнымъ ей во слѣдъ—
И дошептать ей не успѣла
Свое желанье... свой обѣтъ...
Она скатилась и пропала!..
Зачѣмъ падучею звѣздой
Богъ не судилъ быть?—я мечтала,—

Мнѣ не далъ воли съ быстротой?
Подобно ей, и я ушла бы,
Покинувъ недойденный путь!
Подобно ей, и я могла бы
Летѣть, умчаться, ускользнуть.

Запретный кубокъ.

„Не пей!—они сказали,—
Отравленъ кубокъ сей;
Въ немъ радость пѣной блещетъ—
На днѣ лежитъ печаль!“
„Бѣги,—они сказали,—
Восторга и мечты!
Восторгъ—огонь болотный,
Мечта—предатель злой!“
Но я душою смѣлой
Отвергла ихъ совѣтъ,
Влеченью повинуясь
И предаюсь судьбѣ.
Пью въ кубкѣ заповѣдномъ
Волшебную струю,
Съ восторгомъ и мечтою
Не разлучаюсь я.
За каплю влаги дивной
Не жалко жизнь отдать...
А жизнь что намъ согрѣетъ,
Какъ не восторгъ святой?

Род.
1813 г.

Сконч.
1856 г.

Николай Платоновичъ Огаревъ.

Начало литерат. дѣятел. 1840 г.

НОЧЬ.

Когда во тьмѣ ночной, въ мучительной тиши
Мои глаза дремотой не сомкнуты—
Я въ безотвязчивомъ томленіи души
Переживаю трудныя минуты.
Все лица прежнія, картины прежнихъ лѣтъ

Передо мной проносятся какъ тѣни:
Но чувства прежняго во мнѣ ужъ нѣтъ:
Я холодно гляжу на рядъ видѣній.
Напрасно силюсь я будить въ душѣ моей,
Что жило въ ней такъ сладко иль тревожно;
Любовь, страданіе, блаженство прежнихъ дней
Мнѣ кажется или смѣшно, иль ложно.
И мнѣ грядущее замѣны не сулитъ;
Вся жизнь пройдетъ несносною ошибкой,
И слезы горькія, текущія съ ланитъ,
Уста глотаютъ съ горькою улыбкой.

Звуки.

Какъ дорожу я прекраснымъ мгновеньемъ!
Музыкой вдругъ наполняется слухъ,
Звуки несутся съ какимъ-то стремленьемъ
Звуки откуда-то льются вокругъ.
Сердце за ними стремится тревожно,
Хочетъ за ними куда то летѣть—
Въ эти минуты растаять бы можно,
Въ эти минуты легко умереть.

Род.
1814 г.

Сконч.
1841 г.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Парусъ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?

* * *

Играютъ волны; вѣтеръ свищетъ
И мачта гнется и скрипитъ...

Увы! онъ счастія не ищетъ!
И не отъ счастія бѣжитъ!

* * *

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

И скучно и грустно.

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вѣчно
желать?..
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!

* * *

Любить... но кого же?.. на время не стоитъ
труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь?—тамъ прошлаго
нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...

* * *

Что страсти!—вѣдь, рано иль поздно, ихъ
сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ
вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка...

Род.
1814 г.

Сконч.
1847 г.

Эдуардъ Ивановичъ Губеръ.

Начало литерат. дѣятел. 1831.

Одиночество.

Все тихо и темно, повсюду сонъ глубокой;
Лишь только поздній грѣхъ ночную ищетъ тьму,
Лишь горе крадется тропою одинокой;
А я еще не сплю: мнѣ страшно одному!
Не сплю; вокругъ меня туманный рой видѣній;
То смѣхъ, то горькій плачъ я слышу въ тишинѣ;
А тамъ волнуются таинственныя тѣни

И пляшутъ, и бѣгутъ, и шепчутъ обо мнѣ.
Стою, не двигаюсь; на каждый шумъ случайный
Съ невольнымъ ужасомъ оглядываюсь я.
Весь этотъ міръ объятъ какой-то страшной тайной,
Богъ-вѣсть, чѣмъ кончится загадка бытія.
Я полонъ смутныхъ думъ, я полонъ тяжкой муки...
Молитвой озарю я мракъ души моей,—
Уста мои безъ словъ одни лепечутъ звуки,
И набожныхъ молитвъ нѣтъ въ памяти моей.
Молитва—Божій даръ. Невинными устами
Да произносится отрадная она!
Но заученными ты не молись словами:
Молитва безъ души, молитва словъ—грѣшна.
Ахъ, страшно одному! хочу забавы шумной,
Разгула дикаго, да удалыхъ гостей;
Быть-можетъ, между нихъ, насмѣшкой вольнодумной,
Иль крикомъ заглушу печаль души моей!
Все тихо и темно; лишь мѣсяцъ одинокій
Любуется съ небесъ на отдыхъ бытія.
Вездѣ глухая ночь; повсюду сонъ глубокій;
Все спитъ... не спятъ одни—лишь горе, грѣхъ, да я!

Род.
1816 г.

Сконч.
1869 г.

Сергѣй Федоровичъ
Дуровъ.

Начало литерат. дѣятельности 1843 г.

I.

Когда трагическій актеръ,
Увлекшись геніемъ поэта,
Выходитъ дерзко на позоръ
Въ мишурной мантіи Гамлета:
Толпа, любя обманъ пустой,
Гордяся мнимымъ состраданьемъ,
Готова ложь почтить слезой

И даровымъ рукоплесканьемъ.
Но если, выйдя на порогъ,
Насъ со слезами встрѣтитъ нищій
И, прахъ цѣлуя нашихъ ногъ,
Попроситъ крова или пищи:
Глухіе къ бѣдствіямъ чужимъ,
Чужой нужды не понимая,
Мы на несчастнаго глядимъ,
Какъ на лжеца и негодяя.
И рѣчь правдивая его,
Не подслащенная искусствомъ,
Не вырветъ слезъ ни у кого
И не взволнуетъ сердца чувствомъ.
О, родъ людской, какъ жалокъ ты!
Кичась своимъ поддѣльнымъ жаромъ,
Ты глухъ на голосъ нищеты,
И слезы льешь передъ фигляромъ.

2.

Жизнь наша—книга. Много въ ней
Найдется сценъ разнообразныхъ:
Смѣшныхъ, нелѣпыхъ, скучныхъ, грязныхъ,
Тяжелыхъ, вялыхъ и безсвязныхъ,
Какъ на страницахъ повѣстей.
Читать ее—нести вериги,
Прочтя—не выдержишь сказать:
Блаженъ, кому житейской книги
Не довелося прочитать!..

Род.
1817 г.

Сконч.
1875 г.

Алексѣй Константиновичъ
Гр. Толстой.

* * *

Острою сѣкирой ранена береза,
По корѣ сребристой покатились слезы,
Ты не плачь, береза, бѣдная, не сѣтуй,
Рана не смертельна, вылѣчишься къ лѣту

Будешь красоваться листьями убрана —
Лишь больное сердце не залѣчитъ раны.

* * *

Край ты мой, родимый край
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!
Гой, ты родина моя!
Гой, ты боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья
Вѣтеръ, степь да тучи!

Гдѣ гнутся надъ омутомъ лозы,
Гдѣ лѣтнее солнце печетъ,
Летаютъ и пляшутъ стрекозы,
Веселый ведутъ хороводъ:
„Дитя, подойди къ намъ поближе:
Тебя мы научимъ летать!
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!
Подъ нами трепещутъ былинки,
Намъ такъ хорошо и тепло,
У насъ бирюзовыя спинки,
А крылышки точно стекло.
Мы пѣсенокъ знаемъ такъ много
Мы такъ тебя любимъ давно...
Смотри, какой берегъ отлогій,
Какое песочное дно!“

Род.
1818 г.

Сконч
1883 г.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Начало литерат. дѣятельности 1838 г.

Безлунная ночь.

О, ночь безлунная, ночь теплая, нѣмая!
Ты нѣжишься, ты млѣешь, изнывая,
Какъ отъ любовныхъ ласкъ усталая
жена...
Иль, можетъ быть, невѣдѣньемъ полна,

Мечтательнымъ невѣдѣньемъ желаній —
Стыдливая, ты ждешь таинственныхъ лобзаній?
Скажи мнѣ, ночь, въ кого ты влюблена?
Но ты молчишь на мой вопросъ нескромный...
И на тебѣ покровъ густѣетъ темный.
Я зараженъ тобой... вдыхаю влажный паръ...
И чувствую: въ груди тревожный вспыхнулъ жаръ...
Мнѣ слышится твой безконечный ропотъ,
Твой лепетъ вкрадчивый, твой непонятный шопотъ—
И тѣнь пахучая колеблется кругомъ.
Лицо горитъ невѣдомымъ огнемъ,
Расширенная грудь дрожитъ воспоминаньемъ,
Томится горестью, блаженствомъ и желаньемъ,
И воздухъ ласковый, чуть дремлющій, ночной,
Какъ будто самъ дрожитъ и пышитъ надо мной.

Род.
1819 г.

Сконч.
1898 г.

Яковъ Петровичъ Полонскій.

Смерть малютки.

Свою куклу раздѣла малютка
И прикрыла ее лоскуткомъ;
А сама нарядилась, какъ кукла,
И недѣтскимъ забылася сномъ.
И не видитъ малютка изъ гроба
Въ этотъ солнечный день при свѣчахъ
Какъ хорошъ ея маленькій гробикъ,
Подъ парчей золотою въ цвѣтахъ.

А ужъ какъ бы она любовалась,
Еслибъ только могли разбудить!
Милый другъ! будемъ плакать какъ дѣти,
Чтобъ не дѣтское горе забыть...

Поцѣлуй.

И разсудокъ, и сердце, и память губя,
Я не даромъ такъ жарко цѣлую тебя,
Я цѣлую тебя и за ту, передъ кѣмъ
Я таилъ мои страсти, — былъ робокъ и нѣмъ,
И за ту, что меня обожгла безъ огня,
И смѣялась, и долго терзала меня,
И за ту, чья любовь мнѣ была-бы щитомъ,
Да убитая спитъ подъ могильнымъ крестомъ.
Все, что въ сердцѣ моемъ загоралось для нихъ
Дорогая, пусть гаснетъ въ объятьяхъ твоихъ.

Род.
1820 г.

Сконч.
1892 г.

Афанасій Афанасьевичъ Фетъ.

Начало литературн. дѣятельн. 1840 г.

Люди спятъ, мой другъ: пойдемъ въ тѣнистый садъ;
Люди спятъ, однѣ лишь звѣзды къ намъ глядятъ,
Да и тѣ не видятъ насъ среди вѣтвей
И не слышатъ — слышитъ только соловей,
Да и тотъ не слышитъ, пѣснь его звонка.

Развѣ слышатъ только сердце да рука
Слышитъ сердце — сколько радостей,
земли,
Сколько счастія сюда мы принесли,
Да рука, услыша, сердцу говоритъ,
Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ
Что и ей отъ этой дрожи горячо,
Что къ плечу невольно клонится плечо.

* * *

Чѣмъ тоскѣ, и не знаю, помочь,
Грудь прохлады свѣжительной ищетъ—
Окна настежъ!—Уснуть мнѣ невмочь,
А въ саду надъ ручьемъ во всю ночь
Соловей заливается—свищетъ.

* * *

Стройный тополь стоитъ подъ окномъ
Листья въ воздухѣ всѣ онѣмѣли.
Точно думы все тѣ же и въ немъ,
Точно судитъ меня онъ съ пѣвцомъ, —
Не проронитъ ни вздоха, ни трели.

* * *

На зарѣ только клонитъ ко сну.
Но лишь яркій багрянецъ замѣчу—
Разгорюсь—и опять не усну.
Знать, въ послѣдній встрѣчаю весну
И тебя на землѣ ужъ не встрѣчу.

Род.
1820 г.

Сконч.
1887 г.

Михаилъ Павловичъ Розенгеймъ.

Начало литературн. дѣятельн. 1858 г.

Не осуждай.

Не осуждай—затѣмъ, что всѣ мы люди,
Всѣ слабы, немощны, опутаны грѣхомъ;
Волнуютъ страсти наши груди,
Въ грѣхѣ родимся и живемъ.
Не осуждай... Чтобъ ближнихъ быть судьею,

Спроси у совѣсти, ты самъ то лучше-ль
ихъ?
О, братъ, кто точно чистъ душею,
Тотъ благъ къ погрѣшностямъ дру-
гихъ!
Не осуждай... Вѣдь слову нѣтъ воз-
врата.
Смотри, чтобъ, какъ сказалъ Спаситель,
неравно.
Увидишь спицу въ глазѣ брата,
А проглядишь въ своемъ бревно.
Не осуждай — затѣмъ, чтобъ обличень-
емъ
Не палъ бы на себя тотъ камень съ вы-
соты,
Тяжелый камень осужденья,
Которымъ въ брата бросишь ты.
Не осуждай... не люди мы душею,
А жизнь людей бываетъ часто зла,
Сперва узнай какою ихъ стезею
Она къ погибели вела.
Не осуждай! Дерзнешь ли поручиться,
Что ты пристрастіемъ не будешь увле-
ченъ?
Не осуждай! ты можешь ошибиться.
Не осуждай!—не будешь осужденъ!..

Род.
1820 г.

Александръ Николаевичъ Яхонтовъ.

Забвеніе.

Въ чаду утѣхъ, надеждъ и обольщеній
Не забывай, гордясь избыткомъ силъ;
Тяжелыхъ дней, мучительныхъ мгновеній—
Всего, что̀ сердцемъ пережилъ.
Для тайнаго грядущаго—науку
Ты въ памяти былого обрѣтешь,
Обманъ надеждъ, измѣну и разлуку—

Все горькое—смѣлѣй перенесешь.
Не обновитъ души твоей забвенье:
Нѣтъ блага въ немъ: о, не желай его!
Оно—изсохшій ключъ, оцѣпенѣнье,
Могила сердца твоего!
Мигъ счастія съ утратою былою
Таинственно въ тебѣ сопряжены;
Сжилась печаль, какъ старый другъ съ тобою,
Утративъ горечь новизны.
Кто горе зналъ, тому полнѣе радость;
Но разорви съ былымъ живую нить—
Насущныхъ благъ цѣлительную сладость
Безсиленъ будешь ты цѣнить.
Какъ чередой полунощныя тѣни
Смѣняютъ дня животворящій свѣтъ,
Такъ нѣтъ безъ горя наслажденій
И безъ слезы улыбки нѣтъ.

Алексѣй Михайловичъ
Жемчужниковъ.
Род. 1821 г.

* * *

Что за прелесть сегодня погода!
Этотъ снѣгъ на вершинахъ вдали,
Эта ясность лазурнаго свода,
Эта зелень цвѣтущей земли...
Все покрыто торжественнымъ блескомъ,
Словно все упрекаетъ меня,
Что въ такомъ разногласіи рѣзкомъ
Мое сердце съ веселіемъ дня.
О, желалъ бы я самъ, чтобъ хоть нынѣ
На душѣ моей стало свѣтло,
Какъ на той вѣчно снѣжной вершинѣ
Гдѣ сіяніе солнце зажгло;
Чтобъ чредой понеслись къ моимъ думамъ
Годы счастья былые мои,
Какъ рѣки этой съ ласковымъ шумомъ,
Голубыя несутся струи...
Пусть затмитъ мнѣ минувшее время
Эту жизнь и что ждетъ впереди...
Упади же съ души моей, бремя,
Хоть на этотъ лишь день упади!
Не боли хоть теперь, моя рана!
Дай пожить мнѣ блаженствомъ былымъ...
Много лѣтъ, горячо, безъ обмана
И любилъ я, и былъ я любимъ.

Род.
1821 г.

Сконч.
1897 г.

Аполлонъ Николаевичъ Майковъ.

Начало литерат. дѣятельн. 1840 г.

Помнишь—мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдругъ засталъ насъ ливень далеко отъ дома,
Мы спѣшили скрыться подъ мохнатой елью...
Не было конца тутъ страху и веселью!

Дождикъ лилъ сквозь солнце, и подъ
елью мшистой
Мы стояли, точно въ клѣткѣ золотистой:
По землѣ вокругъ насъ точно жемчугъ
прыгалъ;
Капли дождевыя, скатываясь съ иголъ,
Издали, блистая, на твою головку,
Или съ плечъ катились прямо подъ сну-
ровку...
Помнишь—какъ все тише смѣхъ нашъ
становился...
Вдругъ надъ нами прямо громъ перека-
тился,—
Ты ко мнѣ прижалась, въ страхѣ очи
жмуря...
Благодатный дождикъ! золотая буря!

Род.
1821 г.

Сконч.
1877 г.

Николай Алексѣевичъ

Некрасовъ.

Начало литератур. дѣятел. 1840 г.

Мы съ тобой безтолковые люди:
Что минута, то вспышка готова,
Облегченье взволнованной груди—
Неразумное, рѣзкое слово.
Говори же, когда ты сердита,
Все, что душу волнуетъ и мучитъ!
Будемъ, другъ мой, сердиться открыто:
Легче миръ—и скорѣе наскучитъ.

Если проза въ любви неизбѣжна,
Такъ возьмемъ и съ нея долю счастья:
Послѣ ссоры такъ полно, такъ нѣжно
Возвращенье любви и участья.
Не рыдай такъ безумно надъ нимъ.
Хорошо умереть молодымъ!
Безпощадная пошлость ни тѣни
Положить не успѣла на немъ,
Становись передъ нимъ на колѣни,
Украшай его кудри вѣнкомъ!
Передъ нимъ преклониться не стыдно:
Вспомни, сколькіе пали въ борьбѣ,
Сколько разъ уже было тебѣ
За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Подъ холодною крышкою гроба,
На нее не наложатъ пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба...
Не хочу я сказать, что твой братъ
Не былъ гордою волей богатъ;
Но, ты знаешь, кто ближняго любитъ
Больше собственной славы своей,
Тотъ и славу сознательно губитъ,
Если жертва спасаетъ людей.

. . . . . .

Род.
1821 г.

Сконч.
1869 г.

Николай Ѳедоровичъ
Щербина.

Начало литерат. дѣят. 1849 г.

Земля.

Ты помнишь ли случай, родная?..
Когда я малюткой была,
Въ саду, межъ цвѣтами летая,
Меня укусила пчела.
Какъ палецъ мнѣ жало палило,
И слезы ручьями текли—

На палецъ ты мнѣ положила
Щепотку холодной земли...
И боль оттого унялася,
И радостно видѣла ты,
Какъ я побѣжала, рѣзвяся,
За бабочкой пестрой въ кусты...
Пора наступила иная,
И боль загорѣлася вновь...
Боюсь я признаться, родная,
Что жалитъ мнѣ сердце любовь!
Но тѣмъ же и этой порою
Ты можешь меня исцѣлить;
Холодной могильной землею
На вѣки мнѣ сердце покрыть.

Род.
1822 г.

Сконч.
1864 г.

Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ.

Старая книга.

Книга старинная, книга забытая,
Ты ли попалась мнѣ вновь,
Глупая книга, слезами облитая
Въ годы, когда, для любви не закрытая,
Душа понимала любовь?
Съ желтыхъ страницъ твоихъ ветхихъ,
разорванныхъ,
Что же мнѣ вѣетъ опять?

Запахъ цвѣтовъ ли безъ времени сорванныхъ,
Звуки ли струнъ въ изступленіи порванныхъ,
Святой ли любви благодать?
Что бы то ни было—книга забытая,
О, не буди, не тревожь
Муки заснувшія, раны закрытыя!
Прочь твои пятна, годами не смытыя,
И прочь—твоя сладкая ложь!
Ждешь ли ты слезъ? Ожиданія тщетныя;
Ты на страницахъ твоихъ
Слезъ сохранила слѣды неисчетные...
Были то первыя слезы завѣтныя!
Да что-жъ было проку отъ нихъ?
Въ годы ли дѣтства съ моленія шепотомъ,
Ночью-ль безсонной потомъ
Лились тѣ слезы съ рыданьемъ и ропотомъ—
Что мнѣ за дѣло? извѣдалъ я опытомъ:
Съ надеждой давно незнакомъ.
Звать я на судъ тебя, книга лукавая,
Передъ разсудкомъ готовъ—
Ты содрогнешься предъ нимъ, какъ неправая:
Ты облила своей сладкой отравою
Рядъ даромъ прожитыхъ годовъ.

Род.
1822 г.

Сконч.
1862 г.

Левъ Александровичъ

Мей.

Начало литературн. дѣятельн. 1850 г.

Сосна.

Во сыромъ бору сосна стоитъ, растетъ;
Во чистомъ полѣ метель гудитъ, поетъ;
Надъ землею тучи сѣрыя шатромъ;
На землѣ снѣга пушистые ковромъ;
Вьюга... холодъ... но печальная сосна
Неизмѣнна, какъ весною зелена.
Возвратится ли веселая весна,

Пробудится ли природа отъ сна,
Прояснѣютъ, улыбнутся небеса,
Въ листья нѣжные одѣнутся лѣса,
Заблеститъ сквозь зелень ландышъ серебромъ,
Засинѣетъ незабудка надъ ручьемъ,
Взглянетъ солнце съ неба чистаго свѣтлѣй
И зальется звонкой трелью соловей —
Все попрежнему печальна, зелена,
Думу думаетъ тяжелую сосна.
Грустно, тяжко ей, раскидистой, расти:
Все цвѣтетъ, а ей одной лишь не цвѣсти!
Собирая иглы острыя свои,
Хочетъ въ землю глубоко она уйти,
Иль, сорвавшися съ извилистыхъ корней,
Въ небо взвихриться метелью изъ вѣтвей,
Да крѣпка земля, далеки небеса —
И стоитъ она, угрюмая краса,
И весною, и зимою зелена,
И зимою, и весною холодна...
Тяжело сосной печальною расти,
Не мѣняться никогда и не цвѣсти,
Равнодушнымъ быть и къ счастью, и къ бѣдѣ,
Но судьбою быть прикованнымъ къ землѣ,
Быть безсильнымъ — превратиться въ бренный прахъ
Или вихремъ разыграться въ небесахъ!

Род.
1823 г.

Сконч.
1886 г.

Иванъ Сергѣевичъ
Аксаковъ.

Къ тишинѣ, къ примиренью, къ покою
Мнѣ пора бы склониться давно.
Порѣшить я намѣренъ съ тоскою!..
Но могу ли? удастся-ль оно?
Отвращусь-ли отъ грустной юдоли,
Убаюкаю ль скорбные сны –
Сердцу страшно не чувствовать боли,
Самъ своей я боюсь тишины!
Все какъ будто обманъ и забвенье
Притаились подъ мудрости сѣнь:

Мыслямъ—въ душу сошло примиренье,
А въ душѣ лишь усталость да лѣнь!
Все какъ будто готовлю измѣну
Я великому множеству ихъ —
Обрѣченныхъ работѣ и плѣну
Бѣдныхъ, страждущихъ братьевъ моихъ.
Насъ роднятъ лишь печали да горе.
Только тамъ я не чуждый имъ братъ,
Только въ скорбномъ сливаяся хорѣ,
Наши пѣсни согласно звучатъ!..
И сдается— надъ всей безконечной
Жизнью міра проносится стонъ,
Стонъ тоски міровой, вѣковѣчной,
Порожденный въ пучинѣ временъ,—
Въ тѣ творенія дни молодые,
Какъ, собравшись на жизненный пиръ,
Человѣческимъ воплемъ впервые
Огласился ликующій міръ...
Съ той поры и понынѣ, ты съ нами
Неразлучно проходишь вѣка,
О, всесильная, ветхая днями,
О, владычица міра, тоска!

Род.
1823 г.

Сконч.
1884 г.

Николай Васильевичъ.

Бергъ.

Вѣеръ.

Я помню вѣеръ вашъ: звѣздами
Онъ весь усѣянъ, потому
Что свѣтозарными очами
Вы все склоняетесь къ нему.
На немъ почіютъ ваши взгляды,
Ихъ отражаются лучи,
Какъ въ морѣ—яркія лампады
Свѣтилъ, мерцающихъ въ ночи.

Въ мигъ разставанія унылый
Поэта искушала страсть—
Тотъ вѣеръ чудный, вѣеръ милый
Безъ церемоніи украсть!
Не смѣлъ, не могъ ли онъ, не знаю,
Но до того взволнованъ былъ,
Что вѣеръ вашъ немного съ краю
Неосторожно надломилъ.
Простите этотъ слѣдъ случайный
Моей тоски, моихъ тревогъ!
Остался-бъ онъ навѣки тайной...
Его легко бы скрыть я могъ...
Но для чего? Вы угадали,
Проникли все давнымъ давно,
Вы ясно взоромъ прочитали
Въ моей душѣ—мнѣ лгать смѣшно!

Род.
1823 г.

Павелъ Михайловичъ
Ковалевскій.

Есть дни, когда душа безъ мѣры проситъ счастья;
Когда она полна прощенья и участья—
И вѣетъ тихій миръ забвеніемъ святымъ
На язвы старыхъ битвъ съ недобрымъ прожитымъ;
Когда готовъ врага привѣтствовать какъ брата;
Когда любовью грудь и нѣжностью объята.

Въ тѣ дни зовешь и ждешь—и кажется
вотъ-вотъ,
Отцвѣтшая, но вновь желанная, придетъ
Она, мечта весны—и трепетъ ожиданья
Захватываетъ духъ, какъ прежде въ
мигъ свиданья.
Но меркнетъ день, и съ нимъ твой свѣт-
лый идеалъ—
И видишь ты; увы! что къ призраку
взывалъ;
Что такъ же, какъ вчера, дѣйствитель-
ность сухая
Бредетъ, костлявыми ногами ковыляя;
Что тотъ, кого просилъ, къ тебѣ пы-
лаетъ зломъ;
Что исцѣленья нѣтъ, что только боль
во всемъ—
И другъ, который звалъ такъ страстно
и такъ нѣжно,
Привѣтствуетъ тебя такъ холодно-не-
брежно.

Род.
1824 г.

Сконч.
1883 г.

Юлія Валеріановна
Жадовская.

Начало литературн. дѣятельн. 1844 г.

Невыдержанная борьба.

Боролась я долго съ суровой судьбой—
Душа утомилась неравной борьбой!
Всей силой надежду я въ сердцѣ хранила;
Но силы не стало—судьба ихъ убила;

И я, съ затаенной глубоко тоской,
Склонилась смиренно предъ мощной судьбой.
Что дѣлать? Мнѣ стыдно и грустно, и больно...
И лью я горячія слезы невольно.

* * *

Ты всюду предо мной; повѣетъ ли весна,
Я чувствую тебя въ ея отрадѣ тайной;
Любуюсь ли цвѣткомъ, я ужъ тоски полна,—
Я мыслю о тебѣ; заброситъ ли случайно
Холодная луна свой блѣдный лучъ ко мнѣ,
Иль кроткая звѣзда, вечерняя сіяетъ—
Все это мнѣ тебя, мой другъ, напоминаетъ.
Я плачу о тебѣ въ печальной тишинѣ.
Тоской, любовію, разлукою томима,
Вся жизнь моя—безсильная борьба...
Меня гнететъ недугъ неисцѣлимый
И неизбѣжный какъ судьба...

Род.
1824г.

Сконч.
1861г.

Иванъ Савичъ
Никитинъ.

Начало литерат. дѣятельности 1853 г.

ВЪ САДУ.

При зарѣ, по водѣ и румянецъ и тѣнь,
Въ чащѣ пѣсня да свистъ раздается;
Притаилъ садъ дыханье, весь нѣга и лѣнь,
По кудрямъ его золото льется.
Долго-ль буду я тутъ одиноко бродить,
Слушать пѣсню и свистъ соловьиный,

Надрывать свою грудь, свое сердце крушить,
Молча сдерживать слезы кручины?
На печаль, милый другъ мой, тебя я узналъ,
На тоску я съ тобой повстрѣчался,
На бѣду моимъ свѣтомъ и счастьемъ назвалъ,
Всей душою къ тебѣ привязался!
Ужъ и такъ мои дни были днями потерь:
Гибли молодость, сила, здоровье...
Выносилъ я, терпѣлъ... Каково жъ мнѣ терпѣть,—
Знаетъ Богъ, да мое изголовье!
Нѣтъ, не жить мнѣ съ тобою подъ крышей одной:
Какъ простимся,—и полно встрѣчаться!
Тяжело мнѣ и горько разстаться съ тобой,
Легче бъ тѣлу съ душою разстаться!
И за что жъ ты, мой другъ, у меня отнята?...
Ты права. Не тебя обвиняю;
Виноватъ видно я, да моя бѣднота...
Въ первый разъ я ее проклинаю!

Род.
1824 г.

Сконч.
1889 г.

Надежда Дмитріевна Хвощинская (В. Крестовскій).

Начало литерат. дѣятельности 1847 г.

Свой разумъ искусивъ не разъ
И сердце вопросивъ съ участьемъ,
Мы знаемъ—все прошло для насъ
И даже не къ лицу намъ счастье.
Мы знаемъ, что напрасно ждемъ;
Одно прошло, пройдетъ другое,
И—хоть съ печалью—сознаемъ
Благоразуміе покоя.
Мы знаемъ—путь нашъ недалекъ,

Но все душа мечты ласкаетъ.
Такъ иногда дитя въ песокъ
Цвѣты завялые сажаетъ.

* * *

Среди борьбы и разрушенья,
Жрецы покинутыхъ боговъ,
Еще твердимъ мы откровенья,
Уже не вѣря силѣ словъ.
Тотъ свѣтъ, что истиной мы звали,
Враждебной тьмы прогнать не могъ,
Мы усомнились въ немъ, и пали
Въ смятеньи въ прахъ на нашъ порогъ..
И слышны крики ликованья
Надъ потрясенною землей...
Мы говоримъ: ужель мечтанья
Все, что признали мы душой?
Мы заблуждалися, мы люди...
Не благо-ль то, что свершено?
Тому ли мы взывали: „буди“!
Что въ этомъ мірѣ быть должно?...
И только вопль враговъ неясный,
Ихъ торжествомъ не заглушенъ,
Намъ говоритъ:—споръ ненапрасный!
Мужайтесь! Онъ не разрѣшенъ!..

Род.
1825 г.

Сконч.
1893 г.

Алексѣй Николаевичъ
Плещеевъ.

Начало литерат. дѣятельности 1843 г.

Нѣтъ отдыха, мой другъ, на жизненномъ пути.
Кто разъ пошелъ тернистою дорогой,
Тому на ней луговъ цвѣтущихъ не найти;
Душѣ больной, измученной тревогой,
Успокоенье смерть одна лишь можетъ дать.
И глупо и смѣшно его отъ жизни ждать.
Въ борьбѣ съ людьми, въ борьбѣ съ самимъ собою·

Пройдетъ твой грустный вѣкъ; и если
изъ-за тучъ;
Хотя на мигъ—на краткій мигъ—порою;
Тебѣ живительный проглянетъ солнца
лучъ;
Забывъ, что ждетъ за нимъ опять не-
настье,
Что горе новое готово впереди—
Благодари судьбу; но болѣе не жди:
Нѣтъ продолжительнаго счастья!

* * *

Тихо все, глядится мѣсяцъ
Въ воды зыбкія рѣки:
За рѣкою слышны пѣсни
И мелькаютъ огоньки.
Отчего такъ сердцу больно?
Дней ли прошлыхъ стало жаль,
Иль грядущаго пугаетъ
Неразгаданная даль?
Отчего въ груди томленье?
И туманитъ взоръ слеза?
Или снова надо мною
Собирается гроза?
Вотъ и скрылся мѣсяцъ въ тучи,
Огоньковъ ужъ не видать;
Стихли пѣсни .. Скоро-ль, сердце,
Перестанешь ты страдать?

Род.
1826 г.

Сконч.
1865 г.

Михаилъ Илларіоновичъ Михайловъ.

Начало литературн. дѣятельн. 1845 г.

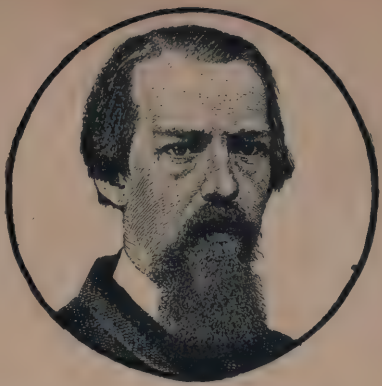
Зимнія вьюги завыли
Въ нашихъ пустыняхъ глухихъ;
Саваномъ снѣга накрыли
Мертвыхъ они и живыхъ.
Гробъ—моя томная келья,
Крыша тяжелая—сводъ;
Вѣтеръ полночный въ ущельѣ
Мнѣ панихиду поетъ.

Перепутье.

Труденъ былъ путь мой. Холодная мгла
Не разступалась кругомъ.
Съ сѣвера туча за тучею шла
Съ крупнымъ и частымъ дождемъ...
Капалъ онъ съ мокрыхъ одеждъ и волосъ:
Жутко мнѣ было идти:
Много суровыхъ я вытерпѣлъ грозъ,
Больше ихъ ждалъ впереди.
Липкую грязь отряхнуть бы мнѣ съ ногъ,
И отъ ходьбы отдохнуть!..
Вдругъ мнѣ въ сторонкѣ блеснулъ огонекъ...
Дрогнула радостью грудь.
Боже! какимъ перепутьемъ меня,
Странника, Ты наградилъ!
Боже! какого дождался я дня!
Сколько прибавилось силъ!

Род.
1827 г.

Сконч.
1876 г.



Борисъ Николаевичъ Алмазовъ.

Похороны.

Разносится напѣвъ торжественно-печальный,
И поѣздъ движется блестящій погребальный:
Вослѣдъ ему толпа народная валитъ,
Предъ гробомъ стройно гимнъ напутственный звучитъ,
Съ кадильницъ ѳиміамъ отъ ладона клубится,

Дымятся факелы, и съ гробомъ колесница
Везетъ бездушные останки богача;
Повсюду золото и бархатъ, и парча
Надъ нимъ и вкругъ него блистаетъ и пестрѣетъ,
И тяжкій балдахинъ колеблется и рдѣетъ
На солнечныхъ лучахъ. За гробомъ стройно, въ рядъ,
Въ глубокомъ траурѣ, отъ головы до пятъ,
Съ изящной прелестью одѣты по картинкѣ,
Идутъ наслѣдники—на лицахъ ни слезинки!
И безконечною процессіей имъ вслѣдъ
Гремитъ торжественно блестящій рядъ каретъ.
Зѣваки мелкіе по улицѣ толпятся,
Большія барыни заботливо тѣснятся
Съ дѣтьми и няньками у зеркальныхъ оконъ,
Любуясь зрѣлищемъ роскошныхъ похоронъ.
Какое странное, нестройное смѣшенье:
Гремитъ, какъ Божій гласъ, святое пѣснопѣнье
Во всеуслышанье о суетѣ земной,
А все вокругъ полно бездушной суетой!

А въ тотъ же день и часъ, по тряской мостовой,
Везутъ на ломовомъ сосновый гробъ простой,
Ни шелкомъ, ни парчой блестящей не обитый,
Кой-какъ сколоченный, веревкой перевитый...
Въ немъ труженикъ-бѣднякъ. Свели его туда
Усилья тяжкія суроваго труда,
Нужда, сырой подвалъ, да знахарка-лѣкарка,
Да наша общая губительница, чарка.
За гробомъ чуть бредетъ отъ горести, въ слезахъ,
Жена покойника съ младенцемъ на рукахъ.
За нею тянется въ лохмотьяхъ вся убогихъ
Толпа пискливая голодныхъ, босоногихъ,
Худыхъ, безъ помощи оставленныхъ сиротъ,
Прямыхъ наслѣдниковъ труда и злыхъ работъ.
За ними вслѣдъ бредетъ, потупя взоръ угрюмо,
Собратъ умершаго, томимый мрачной думой

Такой же какъ и онъ безпомощный бѣднякъ.
За гробомъ не бѣгутъ, шумя толпы зѣвакъ;
Хожалый съ улицы народъ простой не гонитъ:
Никто не хочетъ знать, кого и кто хоронитъ.
И только бѣдная старушка съ костылемъ,
Приблизившись къ вдовѣ съ растроганнымъ лицомъ,
Вопросъ ей дѣлаетъ, съ участіемъ къ печали:
„Какъ, матушка, скажи покойника-то звали?“
—Иваномъ, та въ отвѣтъ, рыдая, говоритъ.
И имя то, крестясь и охая, твердитъ
Старушка, чтобъ предъ сномъ, въ часъ тишины глубокой,
То имя помянуть въ молитвѣ одинокой.

Род.
1827 г.

Сконч.
1883 г.

Николай Васильевичъ Гербель.

Застольная пѣсня.

Нѣтъ драгоцѣннѣй въ мірѣ дара:
Какъ наша молодость, друзья!
Она, какъ свадебная чара,
Полна завѣтнаго питья.
И этой чары драгоцѣнной,
Нашъ лучшій жизненный фіалъ,
За всѣ сокровища вселенной
Никто изъ насъ бы не отдалъ.

Пока мы молоды—безпечно
За наслажденьями спѣшимъ,
И, наслаждаясь безконечно,
Тогда лишь знаемъ цѣну имъ.
И мы сбираемся за чашей
Усыплены, упоены,
И только молодости нашей
Не знаемъ истинной цѣны.
Пока мы молоды—мы любимъ,
Мы можемъ истинно любить,
И въ сердцѣ страсть свою голубимъ,
Хоть и разлюбимъ, можетъ быть.
И мы кидаемся на встрѣчу
Тому, что сердце шевелитъ:
Бѣжимъ за славой, мчимся въ сѣчу,
И жизнь въ насъ пышетъ и кипитъ.
Такъ будемъ жить и наслаждаться,
Пока мы молоды еще,
Пока намъ не съ кѣмъ разставаться,
Пока въ насъ сердце горячо.
И такъ сберемся вновь за чашей,
И будемъ пользоваться вновь
Правами молодости нашей—
Любить и пѣть свою любовь!

Род.
1828 г.

Дмитрій Лаврентьевичъ Михаловскій.

Начало литерат. дѣят. 1857 г.

На закатѣ.

Мы жить еще хотимъ,—не жизнью молодою:
Она для насъ прошла, но, на закатѣ дней,
Мы жаждемъ, чтобъ на насъ повѣяло весною,
Чтобъ теплота влилась могучею волною
Къ намъ въ душу — и зажгла надежды пламя въ ней,—

Надежды не на то, что бодро возродимся
Мы къ новымъ подвигамъ, и сердцемъ и умомъ;
Нѣтъ, мы окончили, къ борьбѣ ужъ не годимся,
Но все глядимъ впередъ, къ грядущему стремимся—
И съ нетерпѣніемъ преемниковъ мы ждемъ.
О, пусть придутъ они... не съ воплями страданья,
А съ крѣпкой вѣрою, съ избыткомъ юныхъ силъ,
Съ могуществомъ добра, съ восторгомъ упованья,
Со словомъ истины, со свѣточемъ познанья,
Чтобъ демонъ зла и тьмы ихъ воли не сломилъ.
О, пусть придутъ они, чтобъ намъ—на мигъ единый—
Взглянуть на ихъ борьбу, на ихъ побѣдный слѣдъ,
Чтобъ солнце новое увидѣть предъ кончиной,
Сказать: „оно идетъ!“ и — пѣснью лебединой—
Изъ тьмы привѣтствовать пылающій разсвѣтъ!

Род.
1830 г.

Петръ Исаевичъ
Вейнбергъ.

Начало литерат. дѣят, 1852 г.

Никакъ не пойму я разгадки печально-
мудреной!
Ликуетъ и блещетъ природа въ одеждѣ
зеленой;
Въ ней щедро разлиты всѣ чары роскош-
наго лѣта,
Въ ней столько сокровищъ тепла и ла-
зурнаго свѣта.

Но—странное дѣло!—въ такую чудесную
пору
Тоскливо и тщетно дыханіе ищетъ про-
стору,
Свинцовая тяжесть ложится на душу су-
рово,
На сжатыхъ губахъ замираетъ свободное
слово,
И слышится уху—какіе-то странные крики
Несутся отвсюду, зловѣщи, отчаянны,
дики,
И видится глазу—какіе-то гадкіе люди
Хохочутъ и топчутъ высокія, мощныя
груди,
И губятъ, и давятъ, и—черствы, занос-
чивы, тупы—
Съ проклятіемъ грознымъ садятся на
бѣдныя трупы.
А лѣто ликуетъ и блещетъ въ одеждѣ
зеленой...
Никакъ не пойму я загадки печально-
мудреной!

Род.
1830 г.

Сконч.
1884 г.

Николай Степановичъ Курочкинъ.

Начало литерат. дѣят. 1860 г.

Чѣмъ выше умъ, чѣмъ страсть живѣй,
Чѣмъ чувство глубже и сильнѣе,
Тѣмъ въ злую темень нашихъ дней
Жить человѣку тяжелѣе.
Повсюднымъ мракомъ умъ смущенъ,
Доводитъ страсть до озлобленья
Сознанья горечь—и ни въ чемъ
Для сердца нѣтъ успокоенья.
Весь гнетъ ошибокъ вѣковыхъ

И лжи тысячелѣтней бремя
Выноситъ на плечахъ своихъ,
Изнемогая, наше время.
Живучесть лжи, громадность зла
Встаютъ въ сознаньи скорбномъ ясно,
И слышитъ сердце безъ числа
Лишь стоны гибнущихъ напрасно.
Стремимся силой роковой
Мы въ юности къ борьбѣ тревожной—
И нѣтъ для мысли молодой
На свѣтѣ цѣли невозможной;
Но жизнь съ безстрастіемъ тупымъ
Мечтѣ подрѣзываетъ крылья—
И умираемъ мы съ однимъ
Сознаньемъ своего безсилья.

Род.
1831 г.

Сконч.
1875 г.

Василій Степановичъ Курочкинъ.

Честнымъ я прожилъ пѣвцомъ,
Жилъ я для слова родного.
Гробъ мой украсьте вѣнкомъ:
Труднымъ для дѣла благого
Въ жизни прошелъ я путемъ.
Пѣлъ и боролся со зломъ
Силой я смѣха живого.
Гробъ мой украсьте вѣнкомъ:
Труднымъ для дѣла благого
Въ жизни прошелъ я путемъ.

II.

Какъ въ наши лучшіе года
Мы пролетаемъ безъ участья
Помимо истиннаго счастья!
Мы молоды, душа горда;
Какъ въ насъ заносчивости много!
Предъ нами свѣтлая дорога—
Проходятъ лучшіе года!
Проходятъ лучшіе года—
Мы все идемъ дорогой ложной:
Вслѣдъ за мечтою невозможной
Идемъ невѣдомо куда;
Но вотъ оврагъ—вотъ мы споткнулись;
Кругомъ стемнѣло; оглянулись—
Нигдѣ ни звука, ни слѣда!
Нигдѣ ни звука, ни слѣда,
Ни свѣтлыхъ дней, ни сожалѣнья;
На сердцѣ тяжесть оскорбленья
И одиночество стыда.
Для утомительной дороги
Нѣтъ силы, подкосились ноги—
Погасла дальняя звѣзда!

Род.
1834 г.

Платонъ Александровичъ Кусковъ.

Начало литерат. дѣятельн. 1854 г.

Мигъ.

Лунный свѣтъ... Поле и садъ
Мглой серебристой одѣты;
Черною рѣзною стоятъ,
Въ блескѣ деревъ силуэты;
Небо въ звѣздахъ золотыхъ,
Темно—серебряно—сине,—
Мыслей, душѣ дорогихъ,

Въ немъ потонула святыня...
Міръ въ своихъ нѣдрахъ тая,
Полная прелестей ночи,
Цѣлая вѣчность Твоя
Смотритъ мнѣ пристально въ очи.
Всякаго въ ней бытія
Скрыты и цѣль, и причина—
И съ этой вѣчностью я
Слитъ въ этотъ мигъ воедино.

Род.
1836 г.

Сконч.
1861 г.

Николай Александровичъ Добролюбовъ.

Въ церкви.

Гимновъ божественныхъ пѣніе стройное
Память минувшаго будитъ во мнѣ,
Видится мнѣ мое дѣтство спокойное
И беззаботная жизнь въ тишинѣ.
Въ ризахъ священныхъ отецъ мнѣ мечтается,
Съ словомъ горячимъ молитвы въ устахъ;

Умъ мой невольно раздумьемъ смущается,
Душу объемлетъ таинственный страхъ...
Съ воспоминаньями, въ самозабвеніи,
Дѣтскими чувствами вновь я горю...
Только ужъ губы не шепчутъ моленія,
Только рукой я креста не творю.

* * *

Пускай умру—печали мало;
Одно страшитъ мой умъ больной—
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной:
Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь въ усердьи глупомъ
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ;
Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я;
Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я, живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

Род
1835 г.

Сконч.
1889 г.

Дмитрій Дмитріевичъ Минаевъ.

Начало литерат. дѣят. 1858 г.

Жажда весны.

Красавица поздней зимой
Головку къ окошку склонила
И думала: „Боже ты мой!
Скорѣй бы весна приходила!“

Въ постели томится больной,
Какъ воскъ таютъ—молодость, сила,
Но бредитъ онъ тоже весной:
„Скорѣй бы весна приходила!“
И вотъ прилетѣвшая вновь
Обоихъ весна одарила:
Одной—и цвѣты и любовь,
Другому—цвѣты и могила.

Призракъ.

Въ эпоху античнаго вѣка
Мудрецъ, засвѣтивъ свой фонарь,
Ходилъ и искалъ человѣка,
Искалъ человѣка онъ встарь.
Столѣтья прошли какъ видѣнья,
Исчезнувъ въ прошедшемъ, какъ дымъ,
И въ гробъ не одно поколѣнье
Сошло, чередуясь съ другимъ—
А тѣнь Діогена все бродитъ
По миру съ своимъ фонаремъ
И свѣтъ безнадежно наводитъ
На встрѣчныхъ и ночью и днемъ.

Род.
1836 г.

Сконч.
1883 г.

Иннокентій Васильевичъ Омулевскій.—(Федоровъ)

Начало литерат. дѣят. 1860 г.

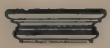
Изъ сибирскихъ мотивовъ.

Если ты странствуешь, путникъ,
Съ цѣлью благой и высокой,
То посѣти, между прочимъ,
Край мой далекій...
Тамъ сквозь снѣга и морозы

Носятся мощные звуки;
Встрѣтишь людей тамъ, что терпятъ
    Муки за муки...
Нѣтъ тамъ пустыхъ истукановъ,
Вздоховъ изнѣженной груди...
Тамъ только люди да цѣпи,
    Цѣпи да люди!

Неволя.

Долго въ золоченой клѣткѣ
Вольная пташка сидѣла,
Но и въ плѣну: какъ на вѣткѣ,
Пѣсни свободныя пѣла...
    Все было птичкѣ готово,
    Кушала лучшія зерна,
    Но поклевавши ихъ, снова
    Била о клѣтку проворно..'
Разъ, эта плѣнница- крошка
Какъ-то совсѣмъ присмирѣла,
Что-то пропѣла немножко—
И ужъ не билась—сидѣла...
    Такъ—что при спорѣ со мною
    Объ отвлеченномъ предметѣ,
    Общество цѣлой гурьбою,
    Въ это же утро, въ отвѣтѣ:
    „Вотъ вѣдь привыкла же!“ смѣло
Мнѣ на нее указало.
Но... еще солнце не сѣло—
Плѣнницы бѣдной не стало...



Род.
1837 г.

КонстантинъКонстантиновичъ Случевскій.

Начало литерат. дѣятельности 1857 г.

Больше намъ, больше листвы, перегноя,
Пусть онъ въ саду въ темныхъ кучахъ горитъ,
Дастъ онъ намъ ландыша, дастъ и левкоя,
Яблоковъ, вишень, смородинъ родитъ:

* * *

Чудные будутъ у насъ ароматы,
Радуга ляжетъ въ коронки цвѣтовъ,

Плодъ заблеститъ, что рубины, агаты;
Много мы, много сберемъ коробовъ!..

* * *

Тлѣющій листъ, перегной—это знанье
Въ вѣчномъ броженіи темныхъ слоевъ,
Полныхъ и соковъ, и силъ для питанья
Въ мелкихъ извилинахъ нашихъ умовъ,

* * *

Но не единый цвѣтокъ не проснется,—
Будетъ ли, нѣтъ ли земля горяча,
Если живительный дождь не прольется,
Если отъ солнца не будетъ луча.

* * *

Чувство хорошее, сердце прямое
Вотъ наше солнце, туманы и дождь!
Знаніе наше—то войско большое,
Сердце—отъ Бога назначенный вождь!

Род.
1838 г.

Ѳедоръ Владиміровичъ
Черниговецъ.

Изъ пѣсней о скотахъ и людяхъ.

Когда собакѣ въ день холодный
Я далъ ненужную мнѣ кость,
Лизнулъ мнѣ руку песъ голодный,
Забывъ свою собачью злость.
Когда же отъ бѣдствій, горшихъ казни,
Спасенъ былъ мной пріятель мой—
По человѣческой пріязни
Онъ заплатилъ мнѣ клеветой.

Забавно, право, въ нашемъ вѣкѣ,
Гдѣ такъ горды собою всѣ,
Скотство отмѣтить въ человѣкѣ,
И человѣчность въ бѣдномъ псѣ?

Род.
1838 г.

Сконч.
1901 г.

Александръ Константиновичъ Шеллеръ (Михайловъ).

Начало литерат. дѣятельности 1863 г.

Подстрѣленная чайка.

Надъ прибрежьемъ чайка пролетала.
Подстрѣлилъ, шутя, ее стрѣлокъ
И, дрожа, несчастная упала
На горячій, высохшій песокъ.
Передъ ней сверкаетъ то же море,
Пробѣгаютъ тѣ же корабли,

Тѣ же птицы рѣютъ на просторѣ,
Уносясь далеко отъ земли.
Тѣ же волны рѣзвою семьею
Въ даль бѣгутъ, но тщетно ждетъ она,
Что ее холодною струею
Освѣжитъ хотя одна волна.
Распустить бы поскорѣе крылья,
Смыть бы съ нихъ въ волнахъ кровавый
слѣдъ,—
Но безплодны страшныя усилья:
Въ этихъ крыльяхъ прежней силы нѣтъ.
Знойный день ей раны растравляетъ
И песокъ, горячій отъ лучей,
Насыщаясь кровью, прилипаетъ
Къ нимъ при каждомъ вздохѣ все силь-
нѣй.
Хоть бы вѣтеръ сильный и могучій
Раскаленный вѣтеръ освѣжилъ,
Хоть бы онъ нагналъ на небо тучи
И дождемъ ей раны окропилъ;
Хоть бы онъ, зловѣщей бури полный,
Проносясь въ пространствахъ міровыхъ,
Нагоняя на прибрежье волны,
Захлеснулъ ее одной изъ нихъ.
Дикой чайкѣ въ вихрѣ непогоды
Было-бъ легче разомъ отстрадать,
Чѣмъ, среди ликующей природы,
Постепенно кровью истекать.

Род.
1839 г.

Сконч.
1893 г.

Анна Павловна
Барыкова.

Начало литературн. дѣятел. 1870 г.

ПЕЙЗАЖЪ.

Лѣсное озеро, какъ зеркало большое
Въ зеленой рамкѣ мховъ, блестящее, — легло,
И отраженный въ немъ со всею красотою
Глядитъ сосновый боръ въ волшебное стекло.

Торжественно идетъ въ лѣсу богослу-
женье:
Курятся подъ росой кадильницы цвѣтовъ,
И тихій стройный хоръ жужжанія и
пѣнья
Несется высоко,—молитвою безъ словъ.
Теплынь и тишина. Вотъ блѣдная, боль-
шая
Звѣзда затеплилась предъ алтаремъ не-
бесъ
И трепетно горитъ, какъ свѣчка трудо-
вая.
Замолкло все. Луной посеребрился лѣсъ,
Теплынь и тишина. Скользятъ ночныя
тѣни
Въ туманѣ радужномъ, въ мерцаніи лучей
Проснулся цѣлый рой таинственныхъ
видѣній.
Русалки чудятся межъ дремлющихъ
вѣтвей.
Какой волшебный свѣтъ и кроткое
сіянье!
Какъ мирно все кругомъ! Повѣрить не
легко,
Что существуетъ смерть, и злоба; и
страданья,
И холодъ, и нужда... тамъ;—гдѣ-то да-
леко!..

Род.
1840 г.

Өедоръ Николаевичъ Бергъ.

Начало литерат. дѣят. 1860 г.

Заря.

Заря! Унынье, страхъ лучей ея бѣгутъ
И сердце бьется жизни жаждой..,
Толпою бодрою идемъ на жизнь и трудъ!
Свое для всѣхъ положитъ каждый.
Идемъ на жизнь и трудъ! Въ пылающихъ сердцахъ,
Въ біеньи частомъ каждой жилы,

Въ молчаньи сдержанномъ, въ стремительныхъ рѣчахъ
Вся мощь и крѣпость львиной силы!
Пусть умирающихъ, ослѣпшихъ голоса
Звучатъ... Земля моя родная!
По селамъ, городамъ, въ поля твои, въ лѣса
Давно ужъ вѣетъ жизнь иная!
Вотъ вспыхнетъ солнышко надъ сумрачной землей!
Бѣгутъ обманчивыя тѣни,
И храма ветхаго—подъ твердою стопой—
Дрогнули мшистыя ступени...

Род.
1840 г.

Скончъ.
1895 г.

Всеволодъ Владиміровичъ Крестовскій.

Соловьями роща вся гремѣла,
Словно воздухъ рокоталъ надъ нею,
Словно ночь страдала вся и млѣла
И въ чаду жасмина къ намъ въ аллею,
Голубая, трепетно глядѣла...
Мы сходились робко и пугливо:
Ты боялась этой ночи мая;
Ночь свѣтла—ты ластишься стыдливо;
Какъ дитя больное изнывая,
Ночи темной ждалъ я прихотливо...

А пришли вы, темныя, нѣмыя—
Не боясь, ты ластишься привольно—
Гдѣ-жъ цвѣты, гдѣ трели зоревыя?
Отчего жъ капризно такъ и больно
Мнѣ васъ жалко, ночи голубыя?..

Род.
1841 г.

Сконч.
1872 г.

Алексѣй Николаевичъ Апухтинъ.

Начало литерат. дѣятел. 1859.

Отчалила лодка. Чуть брезжилъ разсвѣтъ...
Въ ушахъ раздавался прощальный привѣтъ,
Дышалъ онъ нежданною лаской...
Свинцовое море шумѣло кругомъ...

Все это мнѣ кажется сладостнымъ сномъ,
Волшебной, несбыточной сказкой!!

* * *

О, нѣтъ, то не сонъ былъ! Въ дали голубой
Двѣ бѣлыя чайки неслись надъ водой,
И сѣрыя тучки летѣли,—
И все, что сказать я не могъ и не смѣлъ
Кипѣло въ душѣ... и востокъ чуть алѣлъ,
И волны шумѣли, шумѣли!..

Умирающая мать.

„Что, умерла? Жива? Потише говорите:
Быть можетъ, удалось на время ей заснуть“.
И кто-то предложилъ: „ребенка принесите
И положите ей на грудь!“
И вотъ, на мѣстѣ томъ, гдѣ прежде сердце билось,
Ребенокъ съ плачемъ скрылъ лицо свое...
О, если и теперь она не пробудилась,—
Все кончено; молитесь за нее!

Род.
1841 г.

Викторъ Петровичъ Буренинъ.

Начало литерат. дѣятел. 1862 г.

Утромъ.

Въ ранній часъ надъ нивой, вѣтеръ прихотливый
Разыгравшись, мягко влажный колосъ гнетъ,
Въ облакахъ янтарныхъ, въ волнахъ лучезарныхъ

На востокѣ солнце радостно встаетъ.
Разливаясь въ трели, въ рощѣ полетѣли
Звуки пѣсни чудной; пѣсни соловья;
Изумрудной сѣткой вѣтку вслѣдъ за вѣткой
Опустила ива въ зеркало ручья.
За горою дальной, хороводъ печальный
Утреннихъ тумановъ медленно взвился,
И летитъ далеко отъ лучей востока,
Покидая съ тайной грустью небеса.
Отъ избушекъ тѣни, будто полны лѣни,
На песокъ улегшись, тянутся по немъ,
Ветхихъ крышъ солому солнцу золотому
Весело румянить огневымъ лучемъ...

Род.
1841 г.

Сконч.
1894 г.

Алексѣй Өедоровичъ
Ивановъ—Классикъ.

Начало литерат. дѣятельности 1861 г.

Изъ народныхъ пѣсенъ.

„Ивушка ль, ты ивушка, зеленая моя“,
Долго ты склонившися стояла у ручья,
И въ его студеныя, зеркальныя струи
Дружно погружала вѣтви сочныя свои.
Утромъ, умываяся алмазною росой,
Молча любовалась ты кудрявою красой.

Въ полдень, освѣжаяся дыханьемъ вѣтерка,
Слушала ты, ивушка съ отрадой неземной,
Пробираясь къ милому цвѣтущею весной,
Я всей страстью знойною охвачена была,
Ты же меня, ивушка, подъ тѣнь свою звала,
Будто говорила мнѣ съ предвзятою тоской:
„Рядомъ сядь, красавица, и сердце успокой,
Вѣдь любовь-обманчива, и лживый человѣкъ
Рано или поздно ли, но твой погубитъ вѣкъ“...
Я тебѣ не вѣрила, и вотъ теперь стою,
Опустивъ горячую головушку свою,
Да и ты, другъ ивушка, стоишь не зелена,
Лютымъ громомъ-молніей ты тоже спалена,
И не манишь дѣвицу по прежнему къ себѣ,
Горюшкомъ убитую въ предательской судьбѣ!

Род.
1814 г.

Сконч.
1861 г.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко *).

Дума.

(Переводъ съ малороссійскаго).

Проходятъ дни, проходятъ ночи;
Прошло и лѣто; шелеститъ

---

*) Вслѣдствіе случайнаго пропуска, портретъ и стихотвореніе Т. Шевченко помѣщены не въ надлежащемъ порядкѣ, а въ концѣ 1-го тома. **Сост.**

Листъ пожелтѣвшій; гаснутъ очи:
Заснули думы: сердце спитъ.
Заснуло все... Не знаю я—
Живешь ли ты, душа моя?
Безстрастно я гляжу на свѣтъ,
И нѣту слезъ и смѣха нѣтъ.
И доля гдѣ моя? Судьбою,
Знать, не дано мнѣ никакой;
Но если я благой не стою,
Зачѣмъ не выпало хоть злой?
Не дай, о Боже, какъ во снѣ
Блуждать, остынуть сердцемъ мнѣ!
Гнилой колодой на пути
Лежать меня не попусти!
Но жить мнѣ дай, Творецъ небесный,
О, дай мнѣ сердцемъ, сердцемъ жить,
Чтобъ я хвалилъ Твой міръ чудесный,
Чтобъ могъ я ближняго любить!
Страшна неволя—тяжко въ ней,
На волѣ жить и спать—страшнѣй,
Прожить ужасно безъ слѣда:
И смерть, и жизнь—одно тогда.

Конецъ 1-го тома.